

УДК 81.367

DOI: 10.17223/19986645/62/8

И.М. Некрасова

СЕМАНТИКА ЭФФЕКТОРА В БЕЗЛИЧНЫХ ОБОРОТАХ РОЛЕВОГО ТИПА

Рассматривается актантно-ролевая структура безличных оборотов типа «Ветром сорвало крышу». Предметом исследования является семантика первого актанта, называемого эффектором. Анализ, выполненный на материале Национального корпуса русского языка, выявил спектр значений, расширяющий традиционное толкование «стихийная сила». Согласно концепции «альтернативных грамматик» Ю.А. Левицкого рассматриваемая модель представляет собой сохранившийся ролевой (доминантный) тип предложения.

Ключевые слова: *безличный оборот, актантно-ролевая структура, эффектор, Национальный корпус русского языка, «альтернативные грамматики».*

В грамматике современного русского языка предложения типа *Ветром сорвало крышу* считаются безличными конструкциями, которые образуются от личных глаголов в безличном употреблении; типичными для этих глаголов являются значения перемещения, физического воздействия, изменения конфигурации или свойств объекта (*смыть, убить, разбить, отбросить, толкнуть* и др.); как правило, они являются переходными. «С внешней стороны, как синтаксический шаблон, они определяются как не согласуемый ни с чем глагол + зависящие от него второстепенные члены» [1. С. 343], или модель предложения с двумя дополнениями: **Отв.** ← **Вбез.** → **Овин.**, т.е. особый «бесподлежащий» тип предложений, «в которых не может быть подлежащего по самому их строению, подобно тому как не может быть головы у бесчерепного позвоночного – ланцетника» [1. С. 341].

В коммуникативном аспекте они рассматриваются как «конструкции, у которых безличность является результатом деривации, удаляющей или понижающей субъект» [2], т.е. как производные от синонимичной личной конструкции: *Ветер сорвал крышу*. При этом отмечается существенное семантическое отличие, заключающееся в том, что личная модель обозначает воздействие на предмет напрямую, а безличная может обозначать косвенное воздействие: «*взрывом его ударило о скалу = его отбросило взрывом, в результате чего он ударился о скалу*» [2]. Согласно мнению Е.М. Галкиной-Федорук безличная конструкция с творительным падежом настолько продуктивна, что начинает вытеснять личный оборот: «Как в книжной, так и в разговорной бытовой речи чаще употребительна конструкция *снегом замело дорогу, а не снег замел дорогу* или *не дорога замечена снегом*. В русском языке эти предложения неудержимо растут» [3. С. 317]. Рост употребления

безличных глаголов этого типа зафиксирован также в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [2]. «В языке развиваются и растут те безличные конструкции, которые воспринимаются на фоне личных как их особый семантико-стилистический вариант» [4. С. 157]. Сразу же подчеркнем, что в рамках данного исследования безличный оборот не рассматривается как производная диатеза или семантико-стилистический вариант личного предложения; в фокусе нашего внимания будет семантика первого актанта как компонента ролевой структуры, а этот вопрос не может быть решен в пределах конструктивного синтаксиса.

О «деривации» безличного предложения типа *Ветром сорвало крышу* можно говорить только применительно к синхронному описанию, поскольку в типологическом языкознании происхождение таких оборотов связывают с эргативным прошлым русского языка. Эргативная конструкция, представляющая действие со стороны пациенса, соответствует мышлению, для которого предметы сами по себе являются инертными [5. С. 92]. По мнению С.Д. Кацнельсона, безличные обороты являют результат развития эргативной конструкции, которая, как известно, предшествовала номинативному строю предложения [5. С. 101]. О том, что цивилизованный человек пользуется в своей речевой практике не единственной грамматикой, писал А. Гардинер: «...бок о бок с наиболее виртуозными произведениями ораторского искусства уживаются высказывания, находящиеся на одном уровне с выкриками обезьяны. Из сегодняшней живой речи можно извлечь подтверждение каждой стадии развития языка» [6. С. 320]. Безличные обороты как рудимент дономинативного синтаксиса представляют собой высказывания ролевого типа. В нашей работе понятие эргатива представляет интерес исключительно в семантическом отношении, так как оно непосредственно соотносится с кодированием ролевого типа предложения. Характерными признаками ролевой структуры являются наличие первого актанта (источника направленного действия) в форме «действенного» падежа и отсутствие формального согласования между именем и глаголом [7. С. 126], что наблюдается и в безличных оборотах рассматриваемой модели. Здесь и далее будем называть их «ролевая безличная конструкция» (РБК).

Остановимся подробнее на семантическом анализе актантов РБК. За дополнением в форме винительного падежа скрывается пациенс (Pat.): это объект, который испытывает воздействие случайно, помимо его воли. В отношении семантики первого актанта в русистике существуют две точки зрения, которые опираются на падежные значения: творительный инструментальный и творительный агентивный. А.М. Пешковский называет его «**орудие** какой-то другой, отдаленной причины (градом побило, т.е. “посредством града”, а что побило – неизвестно» [1. С. 344]. Е.М. Галкина-Федорук, хотя и использует термин «объект-орудие», поясняет, что орудие, обозначенное творительным падежом, по сути является деятелем-субъектом предложения, на что ясно указывает контекст [3. С. 316]. Точка зрения на форму творительного падежа со значением производителя дей-

ствия как необходимую составную часть безличных предложений представлена в академической «Грамматике русского языка» [8. С. 24–25]. К.И. Ходова, автор одного из первых исследований семантики творительного падежа задолго до появления падежной грамматики, пишет, что значение действующего предмета в безличных оборотах ощущается не во всех случаях: «...в виде реального деятеля может восприниматься лишь предмет... который по своей природе может быть наделен способностью к самостоятельному действию. Таковы ветер, дождь, солнце, течение реки и т.п. Изредка имеет место полное отсутствие этого значения и сохранение древнего значения орудия (нож, бурав, палка)» [4. С. 156].

Позднее один из основоположников синтаксической семантики, У. Чейф, охарактеризовал агенс как «предмет, обладающий потенцией, силой делать что-то»; этой силой могут быть наделены и неодушевленные участники ситуации, например: *The wind opened the door – The door was opened by the wind* [9. С. 128]. Данное наблюдение справедливо для модели личного предложения *Ветер сорвал крышу* и его пассивного преобразования, поскольку здесь полностью отсутствует орудийное значение; актант «ветер» или «ветром» является неодушевленным производителем действия. В безличном же обороте имплицитно присутствует, как это точно подметил А.М. Пешковский, «другая, отдаленная причина»; здесь ощущаются отголоски донаучного, мифологического сознания, утерянные в номинативных моделях предложения. Если сравнить две функции творительного падежа – орудийную (*открытая ключом дверь*) и агентивную (*открытая мною дверь*), то можно заметить, что первый актант РБК выражает семантику, промежуточную между агенсом и инструментом.

В современном синтаксисе заговорили о необходимости выделения семантической роли **эффектора** (Eff.) как неодушевленного участника, который не контролирует ситуацию, но непосредственно воздействует на нее и изменяет ее [10. С. 23]. Роли эффектора и агенса могут быть формально разграничены, например, в немецком языке – посредством предлогов «durch» и «von» в составе трехчленной пассивной конструкции. Упоминание о том, что «творительный Эффектора употребляется (факультативно) для обозначения стихии», можно найти в [11]. Отличие эффектора РБК от орудия и агенса выявляется при парадигматической замене: *Дверь открыло ветром* → **Дверь открыло ключом / *Дверь открыло мною*. Исходя из вышеизложенного, можно представить ролевою структуру РБК следующей формулой: **Eff. ← V → Pat.**

Толкование семантики эффектора в составе РБК, как правило, ограничивается понятиями «стихия» [2, 11], «стихийные явления природы и социальной жизни» [1. С. 353]. К.И. Ходова отмечает также, что наряду с древней конструкцией типа *убило громом* в современном языке встречаются обороты с использованием новых понятий из области техники, военного дела: «убило током, задавило паровозом, выбросило взрывом» [4. С. 154], однако дальнейшего развития эта идея в ее работе не получила. Вместе с тем обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) свиде-

тельствует о том, что РБК более разнообразны в семантическом отношении. Для анализа были отобраны примеры предложений, соответствующие представленной выше модели. Семантическим признаком глагола было выбрано «прекращение существования»; как показали поиски, еще один подходящий признак – «физическое воздействие, разрушение» – приводил к повтору примеров. Запрос осуществлялся в двух направлениях в зависимости от порядка следования основных компонентов.

1. Эффектор (S,ins,inan) на расстоянии 1 от глагола (V,indic,praet,tran,sg,n). На этот запрос было найдено 200 вхождений, однако 79 из них, даже при снятой омонимии, не соответствовали искомой модели, например: *Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности* (Б.А. Кистяковский)* [12]. Количество примеров, подлежащих анализу, составило 121.

2. Глагол (V,indic,praet,tran,sg,n) на расстоянии 1 от эффектора (S,ins,inan). Результатом стало 131 вхождение, причем только 16 из них оказались омонимичными, например: *Ее убило утром, когда мы хотели второй раз прорваться* (Ю.В. Бондарев). Количество примеров, соответствующих модели ЭБК, – 115.

Как видим, поиск языкового материала в НКРЯ по формальным признакам оказался ограниченным глаголами только одной лексико-семантической группы. Но, как было отмечено в начале данной работы, семантический спектр глаголов РБК гораздо шире. В исследовании, посвященном лексико-семантическим характеристикам глагольного центра РБК [13. С. 109–120], зафиксировано более 60 глаголов, объединенных в пять групп: 1) глаголы со значением перемещения в пространстве: *снести, унести, занести, прибить, отбросить, смыть, помчаться* и др.; 2) глаголы со значением изменения положения в пространстве: *захлопнуть, распахнуть, повалить, опрокинуть, перевернуть, завертеть, закружить, подбросить, тряхнуть* и др.; 3) глаголы со значением изменения конфигурации или поверхности объекта, вплоть до ослабления или потери его видимости: *замести, занести, запорошить, засыпать, присыпать, завалить, затопить, засосать* и др.; 4) глаголы со значением нарушения целостности объекта, физического повреждения, вплоть до уничтожения или летального исхода: *оборвать, сорвать, разорвать, выбить, разбить, смыть, ударить, проломить, ранить, покалечить, контузить, убить, задавить, задушить, переехать* и др.; 5) глаголы, обозначающие воздействие на органы чувств: *оглушить, ослепить, облить, окатить, обжечь, ошпарить, уколоть* и др. Поэтому дальнейший поиск в НКРЯ проводился путем запроса конкретной словоформы глагола (например, «унесло»). В результате было отобрано более 500 примеров, соответствующих полной модели **Eff. ← V → Pat.**

Семантические классы эффектора, который взаимодействует с перечисленными глаголами, можно обобщить на основании денотативного

* Здесь и далее примеры взяты из НКРЯ.

признака и распределить по частотности (типичные для всех групп / для отдельных) следующим образом:

- 1) природная стихия: воздух, вода, огонь (1–5);
- 2) физическая энергия, природная и рукотворная (1–5);
- 3) атмосферные явления: гром, молния, осадки (2–5);
- 4) материалы, вещества разной субстанции: твердые, жидкие, сыпучие (3–5);
- 5) тяжелые предметы, части строения (2–4);
- 6) технические устройства, машины, приборы и их части / детали (4);
- 7) оружие, боеприпасы (4);
- 8) предметы, материалы, организмы, воздействующие на органы чувств: звук, запах, высокая / низкая температура и т.п. (5);
- 9) психофизические состояния, эмоции, большей частью отрицательные (5);
- 10) болезнь, физический недостаток (4);
- 11) судьба, события жизни, обстоятельства (1).

Наиболее универсальными, общими для всех пяти групп глаголов являются классы 1–2: природная стихия и физическая энергия; остальные, в силу своей семантики, взаимодействуют с отдельными группами глаголов (указаны в скобках). Рассмотрим выявленные семантические классы эффиктора.

Стихия как явление природы характеризуется неуправляемостью и разрушительной силой. Примерами природной стихии, выполняющей роль эффиктора в РБК, выступают сильное течение, ветер, буря, шторм, ураган, наводнение, извержение вулкана и т.п.: *Здесь морским прибоем в береговых утёсах выбило глубокие пещеры* (В. Арсеньев); *... Дрейфом нас немного снесло от настоящей точки Северного полюса* (Ю. Сенкевич); *В начале осады прибило бурею к устью Нарвы два галиота с провиантом...* (А. Пушкин).

Под **энергией** понимаются различные формы движения и взаимодействия материи; в нашем анализе были примеры энергии кинетической (удар, толчок), электромагнитной (ток), энергии взрыва, которые оказывают ударные, вибрационные и тепловые воздействия на окружающую среду или человека: свет, взрыв, удар, обвал, электрический ток, водяной пар и т.п.: *Ударной волной его оторванную руку отбросило далеко от эпицентра взрыва* (В. Громов); *У деда Беломора еще давно тому назад водяным паром разорвало котел* (М. Успенский); *Недавно опять мальчишку током убило, медные провода срезал...* (В. Мясников).

Атмосферные явления – молния, гром, снегопад, град, дождь, жара, мороз и т.п. – обладают сигнификативными признаками, которые сближают их с предыдущими семантическими классами, а именно: «стихийность», «спонтанность», «непредсказуемость». Примеры РБК: *Ливнем оборвало зонтичные проволоки* (И. Репин); *С утра пришагала буря. Понесло, закурило, белой мутью запорошило станицу* (М. Шолохов); *Подростка, нашего гусей... убило молнией – на том же лугу* (Сельская новь. 2003.11.11); *Зимними морозами убило все сады...* (М. Пришвин).

В функции эффектора оказываются **материалы** или **вещества** различного происхождения: природные (земля, песок, пыль, пепел, грязь и т.д.), искусственные (побелка, щебень, осколки), продукты жизнедеятельности человека (мусор, испражнения и т.п.): *Девяткина оглушило, засыпало землей и щепками* (А. Троицкий); ...*Остров после революции отошел Ирану, запустел, задичал, развалины церкви, домов и амбаров занесло песком* (А. Иличевский); *Видно, крепко засосало речным илом за полтора года «утопленника»* (В. Овечкин); *Лавчонку со шляпами затопило жижжей* (А. Вознесенский).

Класс 5 представляют **артефакты**, которые воздействуют на объект без непосредственного участия человека или помимо его воли, нецеленаправленно: тяжелые падающие предметы, обычно части строения или строительные материалы (балка, кровля, стена, кирпич и т.п.), технические устройства и их детали (трал, привод). В роли эффектора им позволяют выступать признаки «неуправляемость», «непроизвольность». *Ему брусом затылок проломило, и грудь он себе раздробил...* (И. Тургенев); *Племянника моего тоже бревном покaleчило* (А. Солженицын.); ...*На моих глазах упавшим из-под купола осветительным прибором убило на манеже клоуна...* (Ю. Никулин); *С верхних этажей постоянно сыплется всякий хлам, а однажды женщину едва не убило выкинутым кем-то компьютером* (Е. Роткевич).

К классу 5 семантически приближаются **транспортные средства** и их **детали** (строительный кран, поезд, вездеход, бампер, колесо и т.п.). Несмотря на то, что ими сознательно управляет человек, причинение ущерба здоровью или окружающей среде происходит спонтанно, по воле случая, оказывается нежелательным, незапланированным эффектом: *Секретаря МАССОЛИТа Берлиоза сегодня вечером задавило трамваем на Патриарших*. (М. Булгаков); *Именно его и переехало ночью, пьяного, поездом...* (А. Битов); *Одного дундука – он, поддавши, в поле заснул – гусеницей переехало...* (Е. Парнов); *Рекс был убит на месте, ему бампером разбило голову* (О. Волков).

На первый взгляд нелогично выглядят в роли эффектора безличного оборота **оружие** и **боеприпасы** (класс 7): они созданы человеком и используются им целенаправленно, для уничтожения или выведения из строя людей, животных, техники и т.д. Вместе с тем огнестрельному оружию издавна приписывается признак случайности: «шальная пуля», «пуля – дура, где ударит – дыра» [14. С. 164], «пуля обмишуются – штык не обмишуются» [15]. Рикошет пули или траекторию полета осколков снаряда / гранаты предугадать невозможно, в такой же степени случайным является действие подводной или подземной мины: *Осколками авиационной бомбы третьего дня ранило двух писарей* (А. Бек); *Фугасным снарядом разбило паром через Квейс* (И. Бояшов); *На переправе... гранатой разорвало живот штаб-ротмистру Свечину* (С. Бабаян); *Ноги у него оторвало миной* (В. Скворцов); *Плотникова в следующую секунду убило пулеметной очередью...* (К. Симонов).

Отдельного внимания заслуживают семантические классы, которые взаимодействуют с глаголами, обозначающими воздействие на органы чувств. Во-первых, в качестве эффектора здесь используются **предметы или материалы, обладающие особыми свойствами**: субстанции, нагретые до чрезмерно высокой температуры; острые, режущие, колющие предметы; вещества, вызывающие раздражение, разъедание кожных покровов / слизистой. Например: *Кипятком ошпарило левую руку уряднику* (Московские ведомости. 1911); *...Добежав, он молча кинулся их хлестать. Проволокой той свистящей обожгло больней огня* (О. Павлов); *Она возьми да и намажь ему рану-то скипидаром – всю ногу развело!* (Д. Григорович); *Кузнецов закашлялся – его душило ядовитостью тола* (Ю. Бондарев). Также встретились примеры эффектора, референтом которого послужила **деятельность живых организмов / растений**: *Живот обожгло тысячей пчелиных укусов* (Е. Прошкин); *Во мху было сыро и душно, глаза кололо травой...* (А. Чапыгин); *Руки, лицо, ноги обожгло крапивою... нестерпимая боль охватила тело* (Ю. Дружников).

Во-вторых, роль эффектора могут выполнять сами **ощущения**, воспринимаемые органами чувств: громкие, резкие звуки, яркий свет или полная тьма, сильные запахи. Сопутствующим признаком здесь выступает неожиданность, непредсказуемость: *Меня тоже порядком оглушило залом картечи* (Р. Штильмарк); *Голос сотенного захлестнуло новым валом вскриков* (М. Шолохов); *Его ослепило закатным солнцем, полоснуло по глазам лучом...* (Н. Садур); *Под утро Павла захлестнуло этой темнотой: он опускался всё глубже, глубже, свет удалялся, мерк...* (А. Волос); *...Как родиней, шибануло ему в нос рогожно-сеledочным духом...* (А. Малышкин).

Признаки «неуправляемость» и «непредсказуемость» характеризуют семантические классы 9–11: **психофизические состояния** (боль, страх, ужас и т.п.) генетически связаны с инстинктами, **болезни** проявляются спонтанно, нарушая нормальную жизнедеятельность человека. *Меня окатило волной жгучей ревности*. (Е. Хаецкая); *«Это зачем?» Облило душу болью* (С. Сергеев-Ценский); *Зинаида пришла, когда ее, Варю, разбило параличом* (Г. Щербакова); *В Афкуле умер шибан Мансур – говорили, жиром разорвало* (А. Иванов).

События жизни, социальные факторы представлены денотативными значениями «эвакуация», «голод», «судьба» и т.п.: *...Знойное столпотворение саманного Ташкента, куда... моих родных занесло эвакуацией в начале войны* (Д. Рубина). Главный признак концепта «судьба» в РЯ определяют как складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств; судьба управляется космосом [16. С. 207], что сближает ее с природными стихиями. В.И. Даль определяет судьбу как «неминуемое в быту земном... чему суждено сбыться» [17. С. 635]. *Громко ругаясь... я поносил и шучонку, и Кубену, и всю Вологодчину, куда меня занесло прихотливыми ветрами судьбы* (В. Астафьев); *И как драматург... он хочет, разумеется, знать – какими судьбами прибило тебя к берегу сему?* (В. Голованов)

Таким образом, наш анализ дал возможность уточнить денотативное значение эффектора: это не только природная стихия, но и энергия, разнообразные по виду субстанции и материалы, организмы, артефакты, техногенные факторы, произвольные психические состояния и проч.

В перечисленном списке классов слов, маркирующих роль эффектора, отсутствуют живые существа / люди. В нашем исследовании встретились единичные примеры актантов, обозначающих скопление народа, **толпу**: *Баба не унималась, всё кричала, выла... не обращая, казалось, никакого внимания на пожар, на который занесло её народом с улицы* (Ф. Достоевский); *Они бродили в толпе, и толмач все не мог понять, где же голова? Течением их прибило обратно к киоску у входа* (М. Шишкин). Понятия *толпа*, *народ с улицы* реализуются в этих контекстах в значении «нестройное, неорганизованное скопление; безликая масса людей», в связи с чем становится возможной метафоризация: *толпа* → *течение* (движущаяся масса), в сочетании с глаголами семантической группы «перемещение в пространстве». Таким образом, общий референциальный признак эффектора можно было бы обозначить как «имперсонал» (досл. *безличный*), однако сегодня этот термин также используется для обозначения множественного референта неопределенно-личного предложения [2]. По А.М. Пешковскому, «безличность» в собственном смысле слова есть то же, что «внеличность», т.е. понятие метафизическое [1. С. 343].

Отсутствие референта «одушевленное лицо / человек» упраздняет вопрос о дейктическом измерении РБК: за ролью эффектора не могут стоять говорящий или слушающий.

Остановимся на вопросе о дополнительных семантических признаках эффектора, коими являются коннотация и метафорический перенос.

Описанные выше семантические классы слов, выполняющих функцию эффектора, содержат отрицательный коннотативный компонент, который актуализируется в сочетании с глагольным центром. В рассмотренном материале можно отметить только один пример РБК, выражающий положительную эмоцию, при наличии метафорического переноса: *Радостью облило сердце его, когда опознал он голоса* (П. Мельников-Печерский).

Случаи метафорического переноса могут быть самыми разнообразными:

– одушевленное лицо / человек → предмет: *У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило* (М. Булгаков);

– предмет → одушевленное лицо / человек: *Это не люди, это какие-то... шестеренки. Не разорвало бы меня этими шестеренками...* (А. Белозеров);

– пространство → время: *Их нет. Смыло беспощадными волнами Истории* (А. Рубанов);

– жидкость → другая недискретная субстанция: *На рассвете туманами затопило землю* (М. Бубеннов);

– тяжелый предмет → социальные факторы: *В 1933 году в очередной раз придавило голодом* (Н. Ларина); *Губернаторов придавило обломками вертикали власти* (В. Ахмедзянов);

- физическое ощущение → психическое состояние, чувство: *Соню окатило такой волной полнейшего разочарования в жизни...* (Т. Соломатина);
- сходство функции: *Ее контузило упавшей луной?* (Е. Романова, Н. Романов);
- сходство цвета и субстанции: *С запада еще заревило, там полнеба облило топленным молоком* (В. Личутин);
- сходство признака (движение воды → движение людских масс): *Многих иммигрантов харбинской волны прибило этой волной к гостеприимному изумрудному берегу* (К. Глинка);
- сходство признака (движение воды → социальное бедствие): *Россию захлестнула волна гиперинфляции, и волной этой начисто смыло накопления всего населения страны* (В. Абаринов);
- сходство признака (текучесть воды → воспоминания): *Трахман привез мне первую порцию фотографий – несколько объемистых папок. Я развязал тесемки первой папки, взятой наугад, и меня окатило войной...* (К. Ваншенкин);
- сходство интенсивности проявления признака: *Я услышал дружный вопль женщин, меня словно подбросило этим воплем, и я дал стрекача* (Ф. Искандер).

Представим все компоненты лексического значения слова-эффиктора (ЛЗС) в табл. 1.

Таблица 1

Компоненты ЛЗС	Реалии действительности / семантические признаки, стоящие за компонентами ЛЗС
Денотат	природная стихия, энергия, атмосферные явления, артефакты, технические устройства, оружие, материалы, вещества, организмы, (психо)физические состояния, ощущения, социальные факторы и др.
Сигнификат	обобщенные семантические признаки: «непроизвольность», «спонтанность», «неуправляемость», «непредсказуемость»
Референт	«не-лицо»
Коннотация	отрицательная
Полисемия	способность к метафоризации

Завершим анализ вопросом о коммуникативном ранге актантов. Обычная последовательность компонентов ролевой структуры отражает семантическую значимость актантов и соответствует модели, выраженной формулой **Eff.←V→Pat.**: эффиктор совпадает с темой, а пациенс – с ремой. Главный компонент высказывания «маркируется дважды: как топик (референт) – первым местом в предложении, как семантический актант – падежной формой» [7. С. 59]. В этом случае говорят о «кумулятивном кодировании значений ролевой и когнитивной сфер» [18. С. 99].

Напомним, что поиск в НКРЯ, основанный на формальных признаках, выявил примерно равное соотношение конструкций с эффиктором в позиции темы (121) и ремы (115), при этом не учитывалось наличие / местоположение пациенса. Анализ более 500 примеров, включенных

в исследование, выявил все возможные варианты актуального членения предложения (АЧП), которые проиллюстрированы в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

АЧП	Частота, %	Пример предложения
1) Eff. – V – Pat.	25,6	<i>Недавней бурей сорвало штиль с каланчи</i>
2) Pat. – V – Eff.	41,6	<i>Его чуть не убило осколком немецкой мины</i>
3) Pat. – Eff. – V	11,8	<i>Солому-то, ваше благородие, всю снегом замело</i>
4) V – Pat. – Eff.	8	<i>Завертело их ветром, подкинуло</i>
5) V – Eff. – Pat.	7	<i>Выбило градом пшеницу</i>
6) Eff. – Pat. – V	6	<i>Солью кровавые раны разъедало</i>

Эффектор занимает позицию темы в вариантах 1 и 6, при условии отсутствия лексических средств маркирования, как это наблюдается в следующем примере, где эффекттор – рема, несмотря на начальную позицию: *Вот даже и метеоритом кого-то убило когда-то* (М. Чулаки).

Суммируя случаи топиализации эффекттора, получаем 31,6% предложений. В большинстве случаев (49,6%) эффекттор является ядром высказывания (ремой), причем конечную позицию могут акцентировать дополнительные языковые средства, например анафора: *Наши «зоннабенд» смяло, как пустую жестянку, и я уж не знаю, чем меня оглушило: грохотом, или воздушной волной* (А. Лазарчук) или парцелляция: *Разбило корпус радиополукомпаса, – сказал он. Градом, наверно* (С. Вишенков).

По-видимому, причины отклонения коммуникативной структуры РБК в русском языке от «нормального» ролевого типа предложения следующие:

1. В живых эргативных языках семантическая роль первого актанта (при переходном глаголе) – агенс, одушевленное лицо, тогда как в рассмотренных нами конструкциях эффекттор характеризуется признаком «нелицо»; занимая промежуточное положение между агенсом и инструменталисом, он не может безоговорочно претендовать на первую позицию в предложении.

2. Автор концепции «альтернативных грамматик», Ю.А. Левицкий, подчеркивает, что в актантно-ролевой грамматике начинается процесс дифференциации предложения и высказывания; предложение уже становится единицей языка, которой в речи соответствуют многочисленные варианты; любой из актантов может претендовать на первую позицию в высказывании [7. С. 59–60]. Соответственно, распределение коммуникативных рангов в РБК во многом обусловлено контекстом / ситуацией и намерением автора (говорящего).

3. В отношении современного русского языка речь идет об «остатках» эргативности, а не о параллельном сосуществовании эргативной и номинативной систем. Об опасности рассматривать некий пережиток языка как чужеродное тело, механически перенесенное из древних эпох в организм современной речи, предупреждал С.Д. Кацнельсон: «...любой пережиток, как бы резко ни ощущалась его дисгармония с общей структурой языка,

как-то приспособился к новой системе и органически врос в нее, будучи осложнён в процессе развития новыми функциями, отсутствовавшими в нем ранее» [19. С. 43]. Если в эргативных языках предложения типа *Мальчиком брошен камень* являются единственным способом выражения действия и его производителя, то в русском языке конструкция *Ветром оборвало провода* конкурирует с активным предложением (*Ветер оборвал провода*) и пассивом (*Провода были оборваны ветром*) и осознается не сама по себе, а на фоне других моделей предложения. «Анализируя данную нам непосредственную реальность речи, мы должны исходить из существующего плюрализма стандартов, **плюрализма грамматик**» [7. С. 128].

Подведем некоторые итоги нашего анализа. Во-первых, подтверждается сходство РБК и ролевого типа предложения: согласование между именем и глаголом осуществляется не формально, а семантически; лексическое значение глагола «диктует» семантику первого актанта, включая коннотативный компонент (*обожгло* → *кипятком, паром, жаром, плавкой, взрывом, ледяной волной воздуха, минорной оттяжкой аккорда...*). Коммуникативный ранг эффектора оказывается более подвижным, чем позиция эргатива, что обусловлено рядом факторов (см. аргументацию выше). Во-вторых, выявляются «внутренние ресурсы» продуктивности РБК в современном русском языке, о которой шла речь в начале статьи. Хотя рост числа РБК ограничен, по мнению К.И. Ходовой, специфической семантикой разрушения или причинения ущерба [4. С. 154], ему способствуют, на наш взгляд, два фактора: 1) неустанная изобретательность человечества в деле создания оружия уничтожения (развитие денотативного компонента ЛЗС) и 2) продемонстрированная в исследовании способность РБК к метафоризации. Таким образом, можно прогнозировать расширение уже имеющихся семантических классов эффектора и / или появление новых. В-третьих, используя в качестве альтернативной синтаксической структуры, РБК обогащает русский язык, позволяет осмыслить роль эффектора как тонкую грань между деятелем и инструментом; этих выразительных способностей лишены многие европейские языки, которые давно уже утратили черты «доминативного» синтаксиса. З.К. Тарланов, касаясь многообразия форм русского синтаксиса, пишет: «...языковые структуры не могут не быть скоординированными с изменчивым восприятием человека, с поступательным характером его познавательного опыта. Чем больше эта координация в плане выразительных возможностей языка, тем полнее, глубже, универсальнее он выполняет свое важнейшее предназначение» [20. С. 9].

Литература

1. *Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз, 1956.
2. *Летучий А.Б.* Безличность: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2011. На правах рукописи.
3. *Галкина-Федорук Е.М.* Безличные предложения в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М. : Учпедгиз, 1950. С. 302–321.

4. Ходова К.И. Творительный падеж в страдательных конструкциях и безличных оборотах // Творительный падеж в славянских языках. М., 1958. С. 127–158.
5. Кацнельсон С. К генезису номинативного предложения. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936. URL: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/KACNELSON36/Intr.html> (дата обращения: 25.04.2014).
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и высказывание // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 320–328.
7. Левицкий Ю.А. Альтернативные грамматики. Пермь: Перм. пед. ун-т, 2007. 144 с.
8. Грамматика русского языка. М.: Изд. АН СССР, 1954. Ч. 2.
9. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975.
10. Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П. и др. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–45.
11. Печеный А.П. Творительный падеж: Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2012. На правах рукописи.
12. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorgora.ru
13. Некрасова И.М. «Безагентные» структуры: пассив и не только... Пермь, 2016. 145 с.
14. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 616 с.
15. Словарь крылатых слов и выражений. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2307/пуля (дата обращения: 24.04.2018).
16. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.
17. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 736 с.
18. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб.: Алетей, 2003. 720 с.
19. Кацнельсон С.Д. Эргативная конструкция и эргативное предложение // Известия Академии наук Союза ССР. Bulletin de l'Académie des sciences de l'URSS. Отделение литературы и языка, Classe des sciences littéraires et linguistiques. 1947. № 1. С. 43–49.
20. Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. 207 с.

The Semantics of the Effector in Impersonal Constructions with Marked Thematic Relations

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 62. 121–134. DOI: 10.17223/19986645/62/8

Irina M. Nekrasova, Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russian Federation). E-mail: nekrasova142008@yandex.ru

Keywords: impersonal construction, thematic relations, semantic role of effector, Russian National Corpus, linguistic typology, “alternative grammars”.

The article deals with thematic relations of impersonal constructions in Russian like “*Vetrom sorvalo kryshu*”. They are considered to be formed with transitive verbs denoting destruction, dislocation, change of the object’s configuration, etc. The abstract (surface) structure of the considered impersonal construction presents a subjectless sentence; in Russian philology they are considered to have a corresponding “normal” sentence with a nominative (*Veter sorval kryshu*). In terms of linguistic typology, they have remained as a relict of the ergative sentence with its focus of the action on a patient. The investigation is based on the idea of the so-called “alternative grammars” by Yu. Levitsky: typologically, the discussed construction presents a sentence model with marked thematic relations and is used in modern Russian equally with other models. So the term “thematic impersonal construction” (TIC) can be applied to the object of this research. The aim of this study is to specify the main participant’s semantic role, which was traditionally interpreted on the basis of the Russian instrumental case as either an instrument or a performer of an action. With the appearance of syntax

semantics, the term Effector was introduced to denote a thing which does not control the situation but affects it mindlessly. In Russian philology (e.g., A. Peshkovsky, A. Letuchy, A. Pecheny), the semantic role of the Effector is limited to the meanings “force” or “natural elements”; at the same time, the language data presented in the Russian National Corpus illustrate the more diverse semantics of the Effector. The search was conducted by the input of formal characteristics (e.g., S,ins,inan – 1 – V,indic,praet,tran,sg,n), on the one hand, and appropriate verbs typical of TIC (e.g. *sorvalo*), on the other. The analysis of more than 500 sentences brought to light several referents that an Effector stands for: not only natural elements, but also all kinds of energy, weather extremes, different substances, organisms, artifacts, devices, weapons, physical disorders, mental states, dramatic events, etc. Special attention is paid to the topic and comment structure of TIC as it is closely connected with the thematic relations. According to the analysis, the Effector does not always occupy its inherent first position, tending to the communicative function of a comment, or rheme, (49.6 %) rather than a topic, or theme, (31.6 %). The result obtained reveals that a present-day native speaker of Russian can use structures from its “ergative past” on an equal basis with “normal” nominative sentences, determining the focus of an utterance pragmatically, according to the situation or the context.

References

1. Peshkovskiy, A.M. (1956) *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow: Uchpedgiz.
2. Letuchiy, A.B. (2011) *Bezlichnost': Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [Impersonality: Materials for the draft corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Moscow. Manuscript.
3. Galkina-Fedoruk, E.M. (1950) *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal sentences in modern Russian]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* [Syntax questions of the modern Russian language]. Moscow: Uchpedgiz. pp. 302–321.
4. Khodova, K.I. (1958) *Tvoritel'nyy padezh v stradatel'nykh konstruksiyakh i bezlichnykh oborotakh* [The instrumental case in passive and impersonal constructions]. In: Bernsh-teyn, S.B. (ed.) *Tvoritel'nyy padezh v slavyanskikh yazykakh* [The instrumental case in Slavic languages]. Moscow: AS USSR. pp. 127–158.
5. Katsnel'son, S. (1936) *K genezisu nominativnogo predlozheniya* [On the Genesis of Nominative Sentences]. Moscow; Leningrad: AS USSR. [Online] Available from: <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/KACNELSON36/Intr.html>. (Accessed: 25.04.2014).
6. Arutyunova, N.D. (1972) *Predlozhenie i vyskazyvanie* [Sentence and utterance]. In: Serebrennikov, B.A. (ed.) *Obshchee yazykoznanie: Vnutrennyaya struktura yazyka* [General Linguistics: Internal structure of language]. Moscow: Nauka. pp. 320–328.
7. Levitskiy, Yu.A. (2007) *Al'ternativnye grammatiki* [Alternative Grammars]. Perm: Perm State Pedagogical University.
8. Vinogradov, V.V. & Istrina, E.S. (eds) (1954) *Grammatika russkogo yazyka* [Grammar of the Russian Language]. Pt. 2. Moscow: AS USSR.
9. Chafe, W. (1975) *Znachenie i struktura yazyka* [Meaning and the Structure of Language]. Moscow: Progress.
10. Kibrik, A.E. et al. (2006). Russian possessive constructions in the light of corpus-statistical analysis. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 16–45. (In Russian).
11. Pechenny, A.P. (2012) *Tvoritel'nyy padezh: Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* (<http://rusgram.ru>) [Instrumental Case: Materials for the draft corpus description of Russian grammar (<http://rusgram.ru>)]. Moscow. Manuscript.
12. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: www.ruscorpora.ru.

13. Nekrasova, I.M. (2016) *“Bezagentnye” struktury: passiv i ne tol’ko...* [“Agentless” Structures: passive and not only it . . .]. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University.
14. Dal’, V.I. (2000) *Poslovietsy russkogo naroda* [Proverbs of the Russian people]. Moscow: EKSMO-Press.
15. *Slovar’ krylatykh slov i vyrazheniy* [Dictionary of winged words and phrases]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2307/pulya. (Accessed: 24.04.2018).
16. Maslova, V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk: TetraSistems.
17. Dal’, V.I. (2000) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka: Sovremennaya versiya* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: A modern version]. Moscow: EKSMO-Press.
18. Kibrik A.E. (2003) *Konstanty i peremennye yazyka* [Constants and variables of the language]. St. Petersburg: Aleteyya.
19. Katsnel’son, S.D. (1947) Ergativnaya konstruktsiya i ergativnoe predlozhenie [Ergative construction and ergative sentence]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka – Bulletin de l’Académie des sciences de l’URSS. Classe des sciences littéraires et linguistiques*. 1. pp. 43–49.
20. Tarlanov, Z.K. (1999) *Stanovlenie tipologii russkogo predlozheniya v ee otnoshenii k etnofilosofii* [Formation of the Typology of the Russian Sentence in Its Relation to Ethnophilosophy]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.